

Мак Айрис

Цветок Арнхейма. Исцеление

<https://litres.ru/74685739>

SelfPub; 2026

Аннотация

Единый мир Арнхейма рухнул в кровавой бойне из-за жадности людей и Хранителей. Стена навсегда разделила Север и Юг, оставив людям два магических цветка, а Хранителям три.

Спустя века хрупкий мир трещит по швам. В день праздника совершается покушение на наследного принца. Элейса, дочь бывшего лекаря, спасает юношу, и оказывается в темнице. Магия трав и ядов честнее придворных интриг, но в одиночку ей не выжить. Неожиданно Элейса обретает истинный дом и людей, ставших ближе родственников, а зарождающееся чувство становится суровым испытанием. Пока верный герцог служит опорой, саму её неумолимо тянет к опасному правителю Севера.

Сможет ли она сохранить себя в этой игре, исцеляя тела и души? Ведь цветок распускается лишь раз, и никто не знает, дарует ли он исцеление... или погубит ядом, вплетая сердца в роковой узел.

Мак Айрис
Цветок Арнхейма.
Исцеление

Глава 1

ПРОЛОГ

Так гласят древние свитки, хранящиеся в руинах северных башен, переписанные сотни раз дрожащими руками монахов, но ни разу не изменённые в своей сути. И если верить им, вот как всё было...

Сказание о рождении цветов

...в давние времена, когда начало и конец ещё кружились в безбрежном хаосе, не ведая границ, с небес упала одинокая слеза. В ней смешались свет и тьма, родив первую искру жизни. Из этой капли возникли души, бесформенные, наполненные чистой волей. Они разлетелись по миру, и там, где опустились на землю, пробудились пять великих цветов, наделённых памятью и силой. Из каждого бутона излилось сияние, ставшее корнем всей магии тех земель что, позже назвались Арнхеймом.

Цветы подарили искру тем, кто был особенно близок к природе, — Хранителям. Это были люди, связанные с лесами, реками и живыми существами куда сильнее обычных смертных. Они чувствовали магию цветов так тонко, словно она была частью их самих. Хранители появлялись постепенно, и цветы будто узнавали в них своих. В них текла сила, подобная утренней росе на лепестках, тихая и родственная. Благодаря ей цветы сами поддались им, и Хранители смогли мягко обуздать их мощь. Так, по взаимному согласию, они

стали оберегать мир. Много позже, когда мир уже привык к присутствию Хранителей, на этой же земле появились и люди, дети почвы, теплокровные и любопытные. Они умели любить и ненавидеть, но была в них и ещё одна черта: жадность. Хранители приняли их с открытым сердцем: позволили селиться рядом, делились знаниями, пели общие песни, заключали союзы и создавали семьи. Деревни и королевства утопали в цветущих садах, мир казался целым и гармоничным.

Однако великие цветы принадлежали лишь Хранителям. Смертные могли лишь на миг касаться их силы, заимствуя её на время, чтобы исцелить рану, восстановить порядок или ускорить рост там, где природа и люди нуждались в помощи. Сила цветов была дана для гармонии, а не для власти. Но именно это позже и стало соблазном. Зависть, словно тёмный корень, медленно прорастала в людских сердцах. Шли годы, и жажда полностью присвоить цветы захватила разум многих, затуманенный алчностью. И вот однажды, в ночь большого праздника, когда вино лилось рекой и смех звучал под звёздами, Хранители и люди собрались под одним небом. Смертные поднесли отравленное питьё, от которого Хранители ослепли. Пролилась кровь, предательство вспыхнуло внезапно и жестоко. Хранители потребовали ответа, но люди уже не могли ни отрицать вины, ни вернуть то, что украли. Тогда старейшины обеих сторон, короли и мудрецы собрались на границе, которую сами же и провели, чтобы не

дать миру окончательно расколоться. Они воздвигли стену из камня, крови, клятв и древней магии, высокую, непроницаемую. Хранители остались по одну сторону с тремя цветами, а смертные по другую, с двумя украденными. С тех пор никто не пересекает эта рубеж.

Говорят, когда-нибудь разделённый мир снова станет единым. Но какой ценой? Окрасит ли его кровь в цвет закатного багреца, или же чистый свет, подобный дыханию звёзд, сомот тьму и возродит цветущие поля?

Всё началось с Тэя.

Хотя, если честно, он никогда не стремился становиться центром чужих судеб. Просто жизнь, словно упрямая рука, снова и снова выталкивала его на перекрёсток, где решалось слишком многое. В тот вечер Тэй ещё не знал, что эта встреча станет первой трещиной в монолите его привычного мира, трещиной, из которой потом прорастёт невыносимое горе и трудная, выстраданная победа.

Тем временем город окрашивал небо в глубокие алые и золотые тона, будто кто-то разлил по горизонту жидкое пламя. Тэй вышел на эркер старого здания академии, чтобы просто вдохнуть прохладный вечерний воздух и хоть на минуту остаться наедине с собой. В свои пятнадцать он уже успел устать от постоянного шума двора, чужих ожиданий и тяжёлого наследия своего рода.

И тогда он увидел её.

Девушку, чьи волосы переливались, точно ночное небо, усыпанное серебряными звёздами. Она легко и бесшумно скользила в сумерках, но что-то внутри него дрогнуло, да так сильно, будто сердце на мгновение узнало то, чего разум ещё не мог постичь. На ней была мужская одежда: простая тёмная туника, высокие сапоги, лёгкий дорожный плащ. В полумраке её легко можно было бы принять за стройного юношу, однако походка выдавала удивительное сочетание хрупкой грации и скрытой силы. В этой грации ощущались нежность и стойкость словно живой росток, пробившийся сквозь холодный камень и стоящий вопреки всем ветрам.

Почему-то он не окликнул её и не сделал ни единого движения, только смотрел, как она растворяется в последних отблесках дня. Ощущение потери накатило неожиданно остро хотя ещё секунду назад Тэю казалось, будто ему нечего терять.

«Какой у неё голос?» — подумал он, глядя в пустоту опустевшей аллеи. «И почему я так уверен, что однажды обязательно услышу его... даже если это будет стоить мне всего?»

ГЛАВА 1. «ОБЪЯТИЯ ТЕНИ. СПУСТЯ ДЕСЯТЬ ЗИМ»

«Первый шаг»

Третий заход солнца. Тёплый вечер августа. День словно выдохся, так и не дождавшись покоя. Над Арнхеймом медленно опускался тяжёлый бархат сумерек.

Тэй поднял голову от стола. Он опять заснул, склонившись над грудой пергаментов: щека отпечаталась на шершавом листе, рукава рубахи перепачкались синими и золотыми пятнами краски, а на скуле запеклась тонкая алая полоса от собственной кисти. В горле саднило, будто он долго кричал, хотя Тэй не помнил, чтобы ему снилось что-то важное. Обычная усталость что копится месяцами, а выливается в тяжёлый, беспрекословный сон без сновидений. Не успел он толком прийти в себя, как дверь в его личный чертог писца распахнулась без стука. На пороге стоял Эмнас высокий, строгий, в тёмном мундире с серебряным шнуром на плече. Его брови уже были сурово сведены к переносице.

— Герцог Мейхарт-младший, — начал он с привычным вежливым раздражением. — В столь важный день не стоило засиживаться до заката над бумагами. Правда, судя по виду, вы не столько работали, сколько... творили.»

Тэй слабо махнул рукой:

— Рад тебя видеть, друг мой. Хотя мог бы и постучать.

— Я предупреждал вас за три месяца, милорд. И каждую вторую неделю, по два раза в день. Ваш отец уже ждёт в приёмной зале. Если только вы не овладели магией мгновенного приведения себя в порядок, то спуститесь в таком виде... и выслушаете его выговор.

Тэй поднялся. Только сейчас он заметил, в каком плачевном состоянии его одежда. Эмнас окинул взглядом пятна краски и, отвернувшись, едва слышно прошептал:

— Опять писал... Пусть Вечные хранят этого мальчишку.

Тэй подошёл к высокому окну. Внизу, за стенами герцогского замка, кипел и светился Вайлен.

Сегодня был День Короля.

«Владения короля Лаумара Эви. Северная сторона великого Арнхейма»

Сердце и центр южного Арнхейма — Вайлен — сегодня пульсировал светом. Он дышал, словно вся земля под ним пробудилась и вместе с небесами пела торжественный гимн.

В этот день, наступающий раз в четыре года в третий день августа, Вайлен преображался до неузнаваемости. Улицы превращались в золотые русла, стекающие от окраин к Белому дворцу. Каждое окно украшали лепестки, сплетённые в тонкие, почти светящиеся нити. Над крышами парили тканевые и бумажные змеи, привязанные к башням будто сам воздух, играл в праздник. Город был соткан из дыхания, цвета, голосов и ароматов. Дети в венках из фиалок и зелёного тиса бегали по брусчатке. Взрослые в лучших нарядах кто в пыльно-лазурном, кто в цвете туманных роз стояли у лавок, где раздавали тёплые лепёшки со сладкими кореньями и чаши с настоем серебряной мяты. В этот день богатые садились подле бедных, виновных прощали, а чужеземцев называли братьями.

Площадь Сердец, главная площадь столицы, заполнялась дыханием тысяч людей. Толпа гудела в предвкушении: все знали, что вот-вот выйдет монарх.

— Закат близко, — прошептала женщина в алом шарфе, прижимая к груди сына. — Скоро начнётся...

— А ты слышала? — её соседка наклонилась ближе. — Говорят, сегодня будет выбран новый Хранитель. Новая кровь.

— Разве не рано? Кажется, прошло лишь несколько зим?

— Время не имеет значения для избрания. Когда цветок зовёт, правящий король не может отказаться. Цветок Порядка сам выбирает носителя, а король лишь... слышит и передаёт его волю.

В эту действительность верили все без оговорок, ведь в самих сокровенных предания и летописях не один раз было сказано, что, Цветок Порядка оказался единственным из артефактов, который так и не поддался людям. Цветок Исцеления со временем начал слушаться, выбирая даже тех, на кого указывал монарх. А Порядку это было чуждо, он каждый раз сам звал своего носителя тихим внутренним голосом. И лишь на мгновения, когда миру требовалась пелена, способная укрыть трещины.

— А вдруг это будет кто-то совсем юный? — воскликнула девочка лет двенадцати. — Или вовсе кто-то из-за стены...?

— Это невозможно, — отозвался пожилой мужчина, поправляя посох. — Сила даётся не по знанию, а по душе, что способна принять и её тёмные стороны. Дитё не унесёт эту ношу. Века прошли, а цветок так и не выбрал никого из-за стены. Хранители остаются хранителями, а люди людьми.

Так заведено.

На площади началось движение. На ступени выходили Столбы Вайлена – юноши в цветах своих Домов; каждый из них был окружён вниманием, точно факел в ночи. Шёпот пробежал по толпе, но слова утонули в общем гуле. Всё вокруг замерло в ожидании главного момента. На вершине лестницы появился король Лаумар в мантии цвета лугового серебра и с мечом-скипетром на поясе.

В это же самое мгновение, где-то в глубине западного крыла замка, Тэй бежал вниз по каменным лестницам, почти не касаясь ступеней. Младший герцог выглядел едва ли на свои двадцать три. Высокий, ладно сложенный, он двигался с той небрежной лёгкостью, которая свойственна людям, привыкшим жить больше в собственном внутреннем мире, чем в окружающей действительности. Волосы цвета тёмной меди отливали золотом в свете закатного солнца. Непослушные пряди падала на лоб и виски, придавая ему вид человека, безуспешно пытающегося выглядеть опрятно. Серые глаза, глубокие, с редкими голубыми отблесками, смотрели внимательно и прямо. Острые скулы, тонкий нос и сжатые в задумчивую линию губы... Тэй уже предчувствовал разговор, который ждал его впереди. Отец редко повышал голос, но его холодная сдержанность была хуже любого крика.

— Кажется, сейчас мне достанется... — пробормотал Тэй с кривой усмешкой и чуть сбавил шаг. — Надо вести себя тише.

Но герцог Вайтар Мейхарт уже стоял у подножия лестницы, скрестив руки на груди, словно древний судья перед оглашением приговора.

— Ты, как всегда, — процедил он сквозь зубы и нервно постучал каблуком по мраморному полу. — Позоришь семью перед пол царством!

— Милорд... — сухо кашлянул Эмнас. — Если позволите... постукивать ногой возле герба рода не самый достойный жест.

Тэй подошёл ближе и слегка склонил голову без излишней покорности, но с уважением:

— Прежде чем вы начнёте, отец... Я хотел бы сказать, что всё вышло случайно. Совсем не так, как я планировал. Мне жаль. Если я вновь вас разочаровал, я...

— Перестань, — сдержанно перебил его Вайтар. — Быстро одевайся. На площади уже все даже те, кто отродясь никуда не выходит. А ты всё ещё мечешься между лестницей и своей мастерской! Мне опять выслушивать за тебя упрёки.

Тэй направился к умывальне, едва сдерживая усмешку. Но голос отца продолжал греметь по всему дому, точно тревожный колокол:

— Тебе не пятнадцать, Мейхарт! А ведёшь себя так, будто только что сбежал с бала за пирожками! Рукава в краске. Опять рисовал? Я же говорил не марать парадный камзол!

— Он писал всю ночь и весь день, — тихо заметил Эмнас.

— Уж точно не карту сражения! — вспыхнул отец.

В этот момент в комнату вошла герцогиня Сирелин — мать Тэя, мягкая, как дыхание трав после дождя, в платье цвета утренней росы.

— Не ругайся на моего сыночка, Вайтар, — произнесла она с ласковой строгостью. — Творчество, философия, военное дело, всё это части одного сердца, если оно преданно. Нравится ему писать и рисовать, пусть рисует. Всё равно он окончил академию лучше всех, да и принцу это ближе, чем тебе собственные рукава.

Отец открыл было рот для возражения, но она не дала ему вставить слова:

— И вообще... Сегодня на площади соберутся все девушки. Кто знает, может, кому-то из них приглянется мой чудесный сын? — Она рассмеялась и лукаво посмотрела на Тэя. — У нас в королевстве каждая хороша собой.

Тэй молчал. Он всегда отмалчивался, когда мать принималась влюблять в него весь свет.

— Кто за тебя замуж пойдёт, если ты только с кистями и тенью возишься? — буркнул отец. — Через двадцать минут жду на площади. Вместе со всеми. Понял?

...И вот улицы. Резной экипаж не потребовался, хватило и быстрых шагов. Вместе с Эмнасом Тэй направился к Площади Сердец, где уже разносилась королевская речь.

Площадь сияла, будто отражая саму душу Арнхейма. На ступенях возвышался король Лаумар; его глубокий и добрый голос парил над толпой:

— Народ Арнхейма... Я — лишь тот, кто стоит впереди, но вы все вместе делаете меня королём. Без вас я лишь тень на троне. Я благодарю вас за то, что верите, трудитесь, боретесь, надеетесь и живёте.

Он поднял руку, и тишина стала плотной, точно натянутая ткань.

— Клянусь... пока бьётся моё сердце, никто не будет страдать зря. Каждый из вас моё продолжение. Каждое ваше слово моя песня. Я с вами до последнего дня.

Толпа взорвалась бурей голосов, слезами и овациями. Началась церемония. Вызвали Первого Столба, затем второго... Каждому вручали печать в форме сердца, вырезанную из редких драгоценных камней.

На третьем имени возникла пауза.

Король поднял глаза, все обернулись. И тогда Тэй, чуть замешкавшись, вышел из толпы и прошёл вперёд. Шаг у него был неловкий, плечи чуть напряжены, но он держался прямо, стараясь выглядеть так, будто всё именно так и должно быть.

По рядам прокатился шёпот:

— Опаздывает... Ему, как всегда, такие торжества неинтересны. Беспечный!

— Да нет же, говорят, он исполнял особое поручение... Королевское дело!

Тэй подошёл, склонился перед монархом и кивнул Столбам — своим братьям по долгу.

Король улыбнулся и произнёс:

— Тэй Мейхарт. Верность в молчании. Тебе — Красное Рубиновое Сердце.

Едва рубиновый символ коснулся груди Тэя, четверо Столбов ушли в тень, за занавес из колоннад и алых знамён. Там, вдали от чужих глаз, где было место и дружеским подколкам, и смеху, и откровенным словам, к нему первым подошёл принц Нидэм Лаумар.

— Мы виделись всего два дня назад, Тэй... — обнял он его по-братски. — Это, конечно, не целая вечность, но уж точно достаточно, чтобы не забыть: сегодня праздник, а не поминки по твоей любимой кисти!

— Нидэм, — выдохнул Тэй, приподняв бровь. — Я, разумеется, тронут тем, как пристально ты следишь за моим расписанием.

— Кто-то же должен! — подмигнул тот.

Следом к ним присоединился Вакей — командующий младшей стражей, нападающий герой, пробившийся из простых людей.

— Не переживай, герцог-младший, — с открытой улыбкой сказал Вакей, хлопнув Тэя по плечу. — Со мной тоже такое бывало: бежал словно угорелый, лишь бы не опоздать. Главное награждение не пропустил. А дальше объявление нового Хранителя. Так что ты почти идеален.

— Почти? — уточняющее приподнял бровь Тэй.

— Ну... у тебя всё-таки рукава в краске. Опять писал, по-

ка кисть не сломалась?

Тэй скептически посмотрел на него.

— Мы про кисть для холста, — уточняющее хихикнул Вакей. — Хотя, кажется, ты писал, пока твои собственные кисти не сломались.

По кругу прошёл хохот. Даже обычно сдержанный Нидэм тихо рассмеялся:

— Хорошо, что ты успел. Старый жрец с королём вот-вот будут выбирать Хранителя. Если бы ты это пропустил, твой отец точно сослал бы тебя в Пустоши Забвения. Мой тоже ругался, — добавил он, — когда я помогал жрецу в обряде.

— Приятно знать, что не я один единственный объект отцовской любви, — усмехнулся Тэй.

И тут, голос самого старшего из четырёх Столбов Кая ударило резко и громко:

— Ну и сброд у тебя, принц! Надеюсь ты не собираешься их брать с собой, когда воссияешь на троне.

На мгновение повисло напряжение, но вслед за этим последовали крепкие рукопожатия и улыбки. Все знали: Кай говорит это не из злобы, а из чувства долга.

Они всё еще смеялись, когда глашатай на площади громко прокричал:

— Время Первого Танца! Да выйдут четыре Столба и выберут сердце народа не глазами, а душой!

Толпа вспыхнула, точно распутившийся бутон. Каждая девушка, женщина и даже седовласая вдова вытянулась и

приосанилась. Традиция требовала от Столбов выбрать простую, чистую и искреннюю девушку: плясать с ней, и быть с народом на равных. Искать не красоту тела, а сияние души.

Тэй поправил воротник и тяжело выдохнул. Вакей, идя рядом, шепнул:

— Надеюсь, ты хоть кого-то разглядишь сквозь свои краски и мазки.

А Нидэм добавил уже абсолютно серьёзно:

— Только сердце, Тэй. Сегодня только сердце.

Толпа расступилась, словно море по воле ветра. Мужчины, старики и мальчишки в расшитых рубахах шагнули к краям площади, уступая место девам, тем, что стояли в венках, лентах и с надеждой в сердцах, четыре Столба Арнхейма спустились с высоты к своему народу под звонкий перезвон флейт и струн, под гулкий стук тысяч сердец. Принц Нидэм сделал шаг вперёд. Перед королями он слегка склонил голову не из династической необходимости, а из глубокого искреннего уважения. Рядом с королём Лаумаром сидела королева Венсия — правительница западных земель, прибывшая на праздник, чтобы скрепить союз между государствами. Её взгляд был спокоен, но в нём чувствовалась та особая стать, что даётся лишь людям, привыкшим держать в руках не только скипетр, но и судьбы целых народов.

Нидэм огляделся раз, другой и, не найдя того, кого ожидал увидеть, вновь повернулся к правителям. Затем он протянул руку королеве Венсии:

— Дорогая королева, — произнёс он, и его голос вдруг стал мягче, хотя по-прежнему сохранял формальный тон. — Позвольте ли вы мне этот танец?

Королева на мгновение словно смягчилась, та самая, чьё величие обычно подчёркивали только камни и золотая парча, но тут же улыбнулась и без раздумий вложила ладонь в его руку.

— С великим удовольствием.

По толпе прокатился вздох, среди дам, желавших станцевать с принцем. Но никто не посмел выказать недовольства, все понимали: политика всегда идёт рука об руку с необходимостью. Но знали и другое: принц был воспитан безупречно. После смерти королевы король, так и не взявший новую супругу, вложил всего себя в единственного сына. И тот оправдывал каждое из его ожиданий. Кай, самый старший из Столбов, медленно подошёл к стоящей неподалёку девушке. Они пожали друг другу руки без лишних слов. Их танец казался спокойным, точно дыхание осени в нём ощущалось куда больше чувства, чем в громких признаниях.

Музыка зазвучала вновь ритмичная, серебристая, будто сам воздух превратился в перезвон колокольчиков. Скрипки и флейты переплетались, то затихая, то взмывая к небу. Один за другим Столбы начали приглашать девушек: кто-то с улыбкой, кто-то смущённо, кто-то с лёгкой дерзостью. Тэй тоже оглядел площадь. На самом краю, среди людского моря, он заметил мать: она яростно махала ему рукой, указы-

вая то на одну юную особу, то на другую. Он уже сделал шаг вперёд, намереваясь выбрать ту, что стояла чуть в стороне, как вдруг что-то кольнуло в затылок.

Ощущение чего-то иного.

Тэй резко обернулся.

Она стояла спиной к нему. Длинные волосы цвета глубокого индиго ниспадали тяжёлой волной до самого пояса. Простое тёмно-зелёное платье казалось сотканным из лесной листвы. Хрупкая, ниже его почти на голову... Тэй забыл об этикете. О том, что за ним наблюдает вся площадь. О том, кто он такой. Он протянул руку и осторожно коснулся её плеча. Она медленно обернулась. Смуглая кожа оттенка тёплого мёда. Большие чёрные глаза глубокие, как ночь без луны. Тонкие губы. Лицо, в котором было что-то одновременно дикое и невероятно нежное.

В голове у него билась лишь одна мысль.

*Она. *

— Как вас зовут, миледи? — спросил он, наклоняясь чуть ближе. Голос прозвучал хрипло, почти шёпотом.

Она с достоинством и особой грацией склонила голову:

— Элейса Кавелир.

— Элейса... — повторил он, будто вспоминая вкус чего-то забытого.

Она тихо рассмеялась, с лёгкой иронией, похожей на ветер в лесном пруду.

— Младший герцог... Может, мне самой пригласить вас

на танец? Музыка ведь вот-вот закончится.

Тэй моргнул, возвращаясь в реальность, и впервые за весь вечер искренне улыбнулся.

— С великой радостью.

Он протянул руку. Когда её пальцы скользнули в его ладонь, воздух вокруг стал плотнее и теплее словно само пространство уступало им место.

Музыка, тихая и тягучая, лилась откуда-то сверху. Но они почти не слышали её, лишь чувствуя ритм, рождавшийся между ними. Свет свечей отражался в золоте украшений, ложился на каменный пол, а тени от колонн тянулись к ним, пытаясь стать частью этого мгновения. Время потеряло власть: оно текло иначе, замедляясь перед их встречей. Элейса с осторожностью подняла взор, посмотрела в его глаза и вдруг поняла: она не боится этого взгляда. Ведь в нём отражается что-то теплое.

Герцог смотрел на неё и осознавал: что-то внутри него уже никогда не станет прежним.

— Элейса... — вновь прошептал он.

В этот момент королева Венсия закружилась в быстром, почти дерзком танце, увлекая за собой принца Нидэма. Тот, явно не ожидая столь рваного темпа, на мгновение потерял привычную уверенность, и на его лице мелькнула тень растерянности. Королева играла с ним, ведя по площади так, что он едва успевал следить за её шагами.

Когда же мелодия сменилась на плавную и неторопливую,

Венсия с едва заметной усмешкой чуть склонила голову и произнесла, отпуская его руку:

— Полагаю, этого достаточно.

Она оставила принца посреди площади слегка смущённого и застигнутого врасплох и, не оборачиваясь, направилась к возвышению. Под резными балдахинами, увитыми свежими цветами, королева заняла своё почётное место рядом с монархом. Поправив складки платья, она с лёгкой, почти насмешливой улыбкой посмотрела вниз, туда, где кипел праздник.

А на самом верху меж тем начинался свой танец невидимый для посторонних глаз.

— Смотрите, как легко танцуют дети — произнесла Венсия, чуть склонив голову. — Мы ведь тоже когда-то были такими.

— Когда мир был меньше, — тихо отозвался Лаумар. — И «завтра» казалось просто словом.

— Деньки нынче беспокойные, ваше величество, — продолжала Венсия, разглаживая тяжёлую ткань на коленях. — Беда всегда приходит неожиданно. Не успеешь оглянуться, а она уже здесь.

Король взглянул на неё, но его лицо оставалось непроницаемым, точно каменная маска.

— Вы правы, королева. Но беда не выбирает, к кому приходить. Она просто стучится в двери и к тем, кто готов, и к тем, кто нет.

Венсия чуть приподняла бровь, и на её губах мелькнула тень улыбки:

— Я всегда предпочитаю быть готовой. И если случится что-то непредвиденное... если война всё-таки придет на наши земли, я выберу сторону, которая окажется более выгодной. Вы ведь понимаете, ваше величество, что в такие времена каждый печётся о своей пользе.

Король не отвёл взгляда. Он смотрел на неё с прежней спокойной твёрдостью, но в его голосе прорезалась едва уловимая сталь:

— Мы ведём дела не один год, Венсия. Я надеялся, вы научились ценить не только выгоду, но и верность. Или я ошибался?

Королева слегка наклонила голову, словно раздумывая над его словами:

— Верность, это прекрасно ваше величество. Но верность без выгоды быстро превращается в пустоту. Я помню всё, что было между нами. Но если предателей станет слишком много, вам тоже придётся делать выбор. Мы все его делаем, когда приходит время. Не так ли?

Она язвительно улыбнулась, и в движении ее губ читалось предупреждение. Король помолчал, затем медленно кивнул, и в его глазах залегла тень, которую трудно было разгадать. В этот момент к Лаумару подошёл приближённый и бесшумно вложил в его ладонь свиток с красной печатью. Король сломал воск, быстро пробежал глазами строки, и его лицо на

мгновение окаменело. Он скрыл письмо в складках одежды, но мрачная тень на челе осталась. Венсия заметила это, однако промолчала. Взгляд короля метнулся на площадь. Он устремил очи на старшего из Столпов Кая, что, спиною к монарху, кружил в танце. Тот, словно ощутив тяжесть королевского взора, вмиг прервал пляску, поклонился девице, благодаря её за милость, и поспешил к престолу.

Монарх, обратившись к Каю тихо молвил:

— Нельзя ли отсрочить избрание Хранителя Цветка Порядка?

Кай застыл, ибо ведал, сколь пагубно пренебрегать волею Цветка. Обстоятельства уже приняли иной оборот, и он осмелился лишь изложить свою мысль:

— Мой король, со всем подобающим почтением к вашей особе, к трону и к делу, что вершится здесь, дерзну молвить: во имя сохранения и подстраховки следовало бы прежде всего довести до конца вечер сей и свершить обряд избрания. Увы, сие уже не в наших руках Цветок ждать не намерен. Нам надлежит прислушаться к его зову, однако окончательное решение остаётся лишь за вами.

Танец затихал. Пары на площади останавливались, кланяясь друг другу. Только Тэй всё еще держал Элейсу за руку, не желая отпускать.

— В жизни мне не доводилось танцевать с такой прекрасной девой... Вы словно излечили мою душу, — тихо сказал он.

Элейса смущённо отвела взгляд:

— Как точно вы попали, герцог. Я ведь дочь лекаря.

Он слегка растерялся. Девушка наклонилась ближе, и в её глазах вспыхнул озорной блеск:

— Но позвольте заметить... Незамужнюю девушку, если вы не собираетесь звать её под венец, не стоит держать за руку так долго. Ваша матушка уже смотрит на нас, впрочем, как и мой отец.

Тэй проследил за её взглядом. Встретившись взглядом со стариком, чьи пронизательные глаза буквально прожигали его насквозь, Тэй спешно разжал пальцы и склонился в поклоне:

— Прошу прощения. Надеюсь, мы ещё встретимся... в более тёплый миг.

— Если судьба позволит, герцог, — тихо ответила она.

Элейса отступила и скрылась в толпе, а Тэй вернулся к своим братьям по долгу всё ещё немного ошеломлённый. Тем временем девушка подошла к не высокому старику, растрёпанными волосами и в яркой разноцветной накидке. Отец встретил её широкой, тёплой улыбкой.

— Ты будто унеслась в облака, дочка. Надеюсь, он ничего дурного тебе не нашептал?

— Нет, отец. Он весьма... сдержанный. И даже немного растерянный.

— Вот и славно, — проворчал отец, хотя в его глазах мелькнула тёплая улыбка. — Взгляд у него был, как у кро-

лика в аптеке. Но если что я его бердышом!

Элейса засмеялась и покачала головой:

— Успокойся. Он и так от одного твоего взгляда чуть дар речи не потерял.

— Тогда мы квиты, — смягчился отец. — Но помни: пусть ты у меня и самостоятельная лекарка, а всё равно остаёшься моей маленькой дочкой.

Он произнёс это легко, но в глазах проскользнула тревога слишком явная, чтобы её не заметить. Отец пытался скрыть волнение за шутками и привычным сарказмом, но его сердце сжималось от мысли, что он может потерять её из-за кого-то из этих знатных дворян. Они медленно пошли вдоль подножия сцены. Отец бросил быстрый взгляд на возвышение, где восседали король Лаумар и королева Венсия, и негромко добавил:

— Держись подальше от трона, слышишь? Возможностей там, конечно, больше, чем в лавке травника... но свяжешься с политикой — и точно сойдёшь с ума.

— Слова настоящего философа, — усмехнулась Элейса. — С чего бы тебе сегодня быть таким мудрым?

— Потому что я выпил настой лунного мха и теперь слышу голос самой правды! — театрально провозгласил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.